

Он медленно обернулся, глядя на человека, полуприсевшего у кушетки и протянувшего руку к его запястью. Лицо того в темноте было неразличимо, но казалось невероятно кротким и мягким. Он невольно смягчил голос, словно боясь спугнуть что-то, что спало в этой ночной тьме:

— Наконец-то вернулся?

Едва голос сорвался с губ, его зажатая рука, не обращая внимания на пальцы, лежащие на запястье, нащупала в рукаве огниво и чиркнула огонь, осветив лицо того, кто был рядом.

Даже при свете Бай Миньюй продолжал смотреть на него не отрываясь. Глаза, казалось, оплавилась дымком, мерцая каким-то мягким светом. Холодная длинная рука сжимала запястье Цзян Лоюя, а на губах играла едва уловимая тень улыбки, то ли существовавшая, то ли нет. Выражение лица было невыразимо мягким.

— Если бы я не вернулся, ты бы всё равно ждал?

— Теперь и ты научился ловко говорить? Видно, слишком много времени проводишь с Чжу Юэ, перенимаешь всё плохое, а не хорошее, — Цзян Лоюй не ожидал такого ответа и на мгновение опешил, но в следующую секунду уже улыбнулся. Взгляд упал на руку Бай Миньюя, спрятанную за спиной:

— Что там у тебя в руке? Дай посмотрю.

Бай Миньюй глубоко вдохнул и неспешно вытащил руку из-за спины, медленно раскрыл белую ладонь, чтобы человек, сидевший при свечах, мог ясно увидеть то, что было на ней.

В то мгновение, как он увидел то, что было на ладони, перед глазами Цзян Лоюя всё потемнело. Длинные пальцы впились в край столика, дыхание участилось, и он с недоверием уставился на Бай Миньюя.

В этот миг он казался поражённым до предела. В глазах, чёрных как нефрит, одна за другой наволакивались туманы. Он старательно пытался издать звук, но не смог выдать ни одного слова, в итоге лишь молча смотрел на человека перед собой, а улыбка на лице в какой-то момент исчезла без следа.

Бай Миньюй, выставив содержимое ладони напоказ, естественно заметил, что выражение лица Цзян Лоюя в этот момент искажено и странно. Он невольно нахмурил брови, сперва опустил взгляд на то, что держал в руке, потом снова на лицо Цзян Лоюя и осторожно спросил:

— Не нравится?

Спустя долгое время лицо Цзян Лоюя вернулось в нормальное состояние. Он снова посмотрел на зимний фрукт пурпурно-красного цвета, похожий и на яблоко, и на грушу, лежащий на ладони Бай Миньюя. Слегка затуманенным взглядом и с трудом растянув губы в улыбке, он протянул руку:

— ...Откуда у тебя это?

— Вчера ты упомянул, — кратко ответил Бай Миньюй. Видимо, потому что после того как он вытащил эту вещь, выражение лица Цзян Лоюя было слишком страшным, он выглядел явно встревоженным. Глядя на то, как Цзян Лоюй в забытьи держит тот самый плод, он снова протянул руку и схватил его за запястье, допытываясь:

— Не нравится?

Цзян Лоюй не ответил сразу.

Он молча, со всей тщательностью разглядывал человека перед собой. Взгляд скользил с полных тревоги и растерянности глаз Бай Миньюя на его волосы, которые всё ещё несли на себе холод с улицы и от быстрой ходьбы покрылись капельками влаги от тёплого воздуха в комнате, на пальцы, ледяные на ощупь и посиневшие от мороза, и в конце концов вернулся к тому, что было у него в руке.

Он не знал, каким образом Бай Миньюй достал эту вещь в такую погоду и сколько хлопот это ему стоило, но он знал лишь одно: это было из-за той самой фразы, которую он невзначай обронил, не договорив.

Сейчас спокойно лежавшее на кончиках его пальцев, был спелым зимним фруктом.

Неизвестно, какой вкус... Кисло-сладкий, как в памяти прошлой жизни? Или... горький, с густым запахом крови?

— ...Я немного боюсь его есть, — когда Цзян Лоюй произнёс эти слова, казалось, он израсходовал последние силы в теле. Он протянул фрукт вперёд, улыбка на губах была слабой и сладкой, не такой, как обычно — лёгкая и словно маска, а скорее похожая на неразрешимый сильный яд. — Ты съешь за меня кусочек, попробуй, сладкий ли он?

Бай Миньюй, глядя на его выражение, лишь на мгновение заколебался, затем послушно взял фрукт из его рук и откусил.

Чистый и сладкий, слегка кислый аромат фрукта разлился по тесному пространству.

Грудь Цзян Лоюя слегка вздрогнула, словно он боялся вдохнуть этот запах, несущий сладость. На обычно белом лице выступил румянец, но голос был необычайно спокойным и низким:

— Сладкий?

Бай Миньюй помолчал мгновение, встретил его тёмный и непонятный взгляд и кивнул. Бледные тонкие губы слегка шевельнулись, но тот кусок зимнего фрукта, что он откусил, неизвестно, проглотил ли он или всё ещё держал во рту, во всяком случае, он так и не издал ни звука.

Цзян Лоюй опустил голову, голос его был словно дыхание:

— Миньюй...

Бай Миньюй не дал ему закончить.

Он молча положил зимний фрукт на маленький столик, медленно простёр свои холодные пальцы и перехватил белую шею склонившегося человека, запечатав поцелуем его дрожащие губы. Тот самый кусочек зимнего фрукта, который он держал во рту, в беззвучном соприкосновении и переплетении губ то и дело выделял неясный чистый сладко-кислый вкус, заставляя человека, сидящего на кушетке, вдруг всем телом затрястись и начать яростно сопротивляться.

Полуприсевший перед кушеткой человек почувствовал его борьбу и бережно отпустил его

губы, одновременно подняв руку и погасив свечу на столике, снова вернув комнате густую тьму.

Цзян Люй лишь почувствовал, как талию стянули, тело вместе с напором человека, поднявшегося на кушетку, повернулось, и спина уперлась в неровную резьбу, вслед за чем холодные тонкие губы не спеша вновь накрыли его.

Двое людей молча переплетались губами и зубами в темноте, словно лелея и оберегая сокровище, нежно и плотно. Дыхание человека в белой одежде явно постепенно учащалось. Спустя какое-то время он наконец перевернулся и оттолкнул человека, чей взгляд в темноте всё ещё был ясен, а сам с гулким стуком упал на пол под кушетку.

Вдруг изнутри главной комнаты донёсся столь громкий звук, что мгновенно разбудил живущих по соседству служанок и слуг, особенно же Чжу Юэ, которая видела, что свет в главной комнате не гаснет, и потому, волнуясь в душе, вовсе не спала.

— Наследник, что случилось?

Цзян Люй глядел на Бай Миньюя, который тяжело упал, а в этот момент уже без выражения лица выровнял дыхание и поднялся с пола. Даже несмотря на то, что только что его заставили съесть зимний фрукт, уголки губ всё же не удержались и задрались:

— Ничего, подсвечник упал вниз. Не надо входить, я уже отдыхаю, завтра уберёте.

Услышав, что ничего большого не случилось, Чжу Юэ выдохнула и велела людям, стоявшим за спиной, вместе с собой отойти:

— Так точно, Наследник.

Когда люди снаружи ушли, Бай Миньюй похлопал по своей одежде, собираясь убрать зимний фрукт, который он с таким трудом нашёл и полагал, что Цзян Люй понравится, со столика. Однако рука ещё не успела дотянуться, а зимний плод уже был снова поднят Цзян Луем, который наклонил голову и откусил.

— ...Похоже, он слаще, чем тот кусочек, что был у тебя во рту.

По сравнению с прежним, он словно изменился в чём-то, но словно и ничто не изменилось, даже взгляд остался таким же, как раньше.

Но Бай Миньюй знал, что ещё мгновение назад Цзян Люй не хотел есть этот зимний фрукт.

Поэтому, видя, как Цзян Люй сейчас без малейшего отвращения сидит на краю кушетки и грызёт зимний фрукт, в глазах человека в белом наконец проступила слабая теплота.

Спустя время, равное выпитой половине чашки чаю, Цзян Люй взглядом провожал ту белую фигуру, что под луной постепенно уходила прочь, и не удержался, чтобы не опустить голову и снова взглянуть на косточку зимнего фрукта у руки. В глазах, чёрных как нефрит, проскользнул луч света.

Он вдруг подумал, что если пройдут многие, многие годы, а тот человек, который сейчас уходит, не оборачиваясь, всё так же будет смотреть на него таким чистым взглядом, в котором остаётся только его тень, и относиться к нему сердцем без малейших примесей...

То однажды он, возможно, сможет избавиться от тени прошлой жизни, той, что нельзя стереть и невозможно высказать, и вместе с тем человеком, который уже ушёл, большими шагами пойти туда, где есть свет.

Хотя он и не знал, каким будет этот день.

Он будет ждать.

Потому что в этот миг он наконец смог увидеть в бесконечной и необъятной тьме маленький огонёк, который тихонько разгорелся и был оберегаем в ладонях.

На следующее утро, умывшись и переодевшись, Цзян Луюй со светлой улыбкой стоял на ступенях главного дома Двора Изумрудных Волн, держа в руке складной веер. Он сел на кушетку, которую Чжу Юэ только что велела людям принести, в этот момент под ярким солнечным светом, и прищурил свои глаза.

<http://bllate.org/book/17692/1651075>